

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

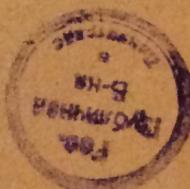
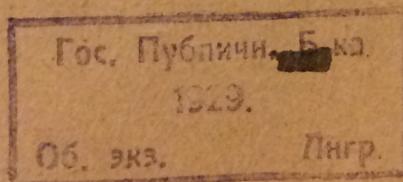
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

ОРГАН ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОДСЕКЦИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ГАХН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЮРИЯ СОКОЛОВА

IV—V

МС-579.

МОСКВА
1929

Статья Гл. Успенского о частушках.

В. Племянникова (Саратов).

Глеб Иванович Успенский разбросал по своим произведениям этнографический материал разного вида: народные песни, обряды, кое-что из описания материальной культуры, представил богатый словарь крестьян, рабочих и мещан и затронул вопрос о самородках-поэтах.

Мы остановимся на материале Успенского по частушкам. Но и в этом маленьком вопросе мы воспользуемся лишь одним произведением Успенского, оставив без большого внимания остальные; мы берем очерк „Новые народные стишки“ из деревенских заметок, напечатанный впервые в Русских Ведомостях № 110, 1889 г. Взятый нами материал — названный очерк и рукопись Успенского (частушки), находящаяся в архиве Успенских и предоставленная нам проф. В. В. Буш,— позволяет нам сделать некоторые выводы об Успенском, как о собирателе произведений народного творчества и как об исследователе их.

Остановимся сначала на последнем: вскроем те положения исследовательского порядка, которые дал Успенский в полуухудожественном очерке „Новые народные стишки“.

Отмечая в народной поэзии появление новой формы, а именно „частушки“ или „куплеты“, Успенский устанавливает ее содержание: она изображает мелочи, малости жизни: „... откликнуться на разнообразнейшие явления обыденной жизни этого даже и „утерпеть нельзя народу“, говорит Успенский.. и этими частушками (народ) откликается на каждую малость жизни“. Изд. Маркса 1908 г., т. III, стр. 673.

Причину перехода народной поэзии к новой форме Успенский усматривает в переходе к новой форме, еще не осознанной народом, и в общественной жизни. „В народной жизни, как и в жизни „общества“ переживается, несомненно, время „переходное“, говорит Успенский „Все „новости“ современной деревни, перечисленные поэтом („Прежде плохо деды жили“) дают возможность понять, почему деревня не может еще, как говорится, собраться „с умом“, окрепнуть в определенных взглядах на собственное существование и судить, во имя их, обо всем окружающем. Поколебана поэтому же и творческая мысль народа.. Не из чего собрать и сложить народу песню“. Стр. 673.

Успенский отмечает „несчетное“ количество стишков новой формы и большое их разнообразие. (См. стр. 673.) Он признает за новыми народными стишками — частушками художественную ценность: „Поколебана поэту же и творческая мысль народа“, говорит Успенский, „но что она живет непрестанно, в этом не может быть никакого сомнения.. Откликнуться на разнообразнейшие явления обыденной жизни, этого даже и „утерпеть“ нельзя народу“, стр. 673.

Частушки имеют и культурную значимость, по мнению Успенского. „Собрав эти „частушки“... и разработав их соответственно тем сторонам народной жизни, которых они касаются, мы имели бы точное представление о нравственной жизни народа“ стр., 674.

Вскрыв вопросы исследовательского порядка, установленные Успенским, постараемся определить его место в истории русской фольклористики по линии исследования частушек. В разрешение этого вопроса в помощь возьмем труд Е. Н. Елеонской „Сборник великорусских частушек“, Москва, 1914 г. В этом сборнике дается библиография фольклористической литературы, выявляющей как в виде сырого материала, так и в виде исследований последнего, в отношении частушки все, начиная с зачатков ее.

Тщательный просмотр литературы, появившийся до Успенского, дает возможность сделать нам следующие выводы относительно материала, представленного Глебом Ивановичем.

О переломе в русской народной поэзии, о новых русских песнях говорили многие этнографы и задолго до Успенского (Александров, В 1864 г. Деревенское веселье в Вологодском уезде. Современник. Июль Костомаров, Н. И. 1872 г. Великорусская народная песенная поэзия по новому изданным материалам. Вестник Европы № 6, стр. 554. Михневич, В. О. 1880 г. Извращение народного песнотворчества. Историч. Вестник, т. III, стр. 749—779. Потебня 1872 г. Рецензия на Сборник песен Галицкой и Угорской Руси Головацкого. Прибавление к 37 тому Записок Имп. Ак. Наук № 4, стр. 146. Пономарев, С. М. 1887 г. Что про себя поет Приуралье. Северный Вестник, № XI—XII).

Но о частушке в той форме, в которой мы ее знаем и теперь, сказал свое суждение впервые Гл. Ив. Успенский. До него отмечалось то новое в народной поэзии, что, возможно, и было (так, повидимому, мыслит и Е. Н. Елеонская) зарождением частушки, но что все-таки сливалось с общей массой песен и представляло иногда некоторый новый этап в развитии старых форм (Александров 64 г., Костомаров, Н. И. 72 г., Михневич 80 г., Пономарев 87 г.), иногда было рождением песни рабочего-крестьянина, еще не оторвавшегося от деревни (Костомаров 72 г., Михневич 80 г., Пономарев 87 г.).

Единственная работа, исследовавшая до Успенского народную поэтическую форму, близкую к частушке, колымайку — это работа Потебни „Рецензия на Сборник песен Галицкой и Угорской Руси Головацкого“ Прибав. к 37 тому Зап. Имп. Ак. Наук, № 4, 1880 г. Потебня рассма-

трявает коломыйку или как „зародыш более длинной песни“, или как „часть, оторванную от большого целого“, стр. 146. При чем исследование Потебни ограничилось определением художественных образов, встречающихся в коломыйке.

Успенский впервые говорит о частушке. Он отчетливо осознает эту новую поэтическую форму, как нечто самостоятельное и несущее в себе элементы художественности, и закрепляет ее, в его время уже достаточно определившуюся, введением в литературу термина частушки. В сборниках до Успенского та же поэтическая форма носит название припева. (Романов, Белорусский сборник, т. I 1885 г. и Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения, т. I, 1887 г.).

Успенский называет новую поэтическую форму также и „куплетом“... „И вот он сочинил, так называемую, „частушку“, т.-е. „куплет“ (слово в слово)“, стр. 673. Это обстоятельство может ввести нас в некоторое заблуждение, если мы примем во внимание, что термин куплет употребляется в статьях более ранних, чем очерк Успенского. Не говорили ли до него о той же форме, которую Успенский называл частушкой, а более ранние авторы куплетом, и не была ли, таким образом, эта новая стихотворная форма предметом исследования до Успенского. Термин „куплет“ относится в статьях до Успенского ко всякой новой поэтической форме рифмованной. Так мы встречаем в работе 80-го года Михневича следующее: „Особенно жалкими и несимпатичными кажутся все эти новейшие куплетики и рапсодии“, стр. 77. Но между тем ни одной частушки в его работе мы не встречаем. Также и в работе более ранней—Костомарова, 1872 г.

Вопросы, поставленные Гл. Ив. Успенским относительно частушек, ставят частушки прежде всего в разряд явлений устной народной поэзии—это вопросы о неведомых поэтах, создающих частушки, о художественной ценности последних и об их несметном количестве. Так как вопрос о частушках, поднятый Успенским, ставился впервые, следовательно и вопрос об их художественной ценности был вопросом новым. Интересно отметить настроение современников в отношении этой новой формы народного творчества. Мы читаем в рецензии на „Новые народные стишки“ Глеба Успенского (Этнографическое обозрение, 1889 г., № 2) следующее: „Вполне присоединяясь к сказанному автором относительно возможности и плодотворности собирания и изучения этих частушек, мы не можем не находить мнения его о поэтических достоинствах этих произведений и об их значении для характеристики народной жизни преувеличенным... Бедность мысли, малая характерность, часто банальность образов вместе с общею всем им необыкновенною краткостью—вот черты частушек, гораздо более подтверждающие общераспространенный взгляд, который видит в них не проявление, а упадок истинного творчества. ...Едва ли кто усмотрит особенные поэтические достоинства в безобразных куплетах... Самая бедность творчества в частушках есть явление, характерное для нашего времени. Но трудно быть высокого мнения

о самостоятельных достоинствах этого рода произведений, которые наглядно свидетельствуют об упадке творчества“. Для нас теперь, признающих художественную ценность частушки, особенно интересно отметить чуткость Глеба Ивановича в отношении народного творчества.

Другие вопросы, поставленные Успенским,—о содержании и причине появления—вопросы происхождения частушки. Как видим, вопросы Успенского—определение характера явления и его происхождения—это те вопросы, которые ставит этнограф при научном изучении явления.

Но ответы на поставленные им вопросы Успенский дает не в виде выводов из целого ряда предпосылок, а в виде необычных суждений: его собрание частушек, классифицированное, в отношении разрешения этих общих вопросов является сырьем материалом. В силу сказанного данный очерк не может приниматься нами даже и в отдельных своих частях, как научное исследование. Но он имеет научную ценность. Гипотезы высказанные Успенским, подтверждаются работами позднейшего времени. Для примера возьмем уже названную нами работу Е. Н. Елеонской „Сборник великорусских частушек“. В введении к сборнику Елеонская поднимает вопросы, общие с вопросами Успенского, и дает им то же разрешение, что и Глеб Иванович. Определив путем формального анализа ценность частушки, как явления художественного, Елеонская указывает, правда, с некоторой оговоркой, на ее ценность культурную. (См. стр. XXVII). Несколько раз на протяжении немногих страниц Елеонская определяет содержание частушки, как изображение мелочей жизни: „...частушка спешит откликнуться на различные (иногда совершенно незначительные) события и заключить в рифмованные строки все, что в данное время привлекает внимание“, стр. XIII. Разбирая „вопрос о давности этого вида песни“, Елеонская пользуется словами Успенского о распространенности частушек, как наиболее ранним свидетельством. Что касается вопроса о происхождении частушки, то здесь Елеонская вступает в некоторое расхождение с Успенским, вскрывая несостоительность его суждения. Явления, принятые им за причины появления частушки должны быть перенесены на момент сильного распространения ее.

Имя Успенского, как исследователя, упоминается и в работах последних дней: так, в работе А. М. Смирнова-Кутачевского, „Происхождение частушки“. Печать и Революция, 1925 г., № 2 автор, разбирая вопрос о „частушке—показателе социального кризиса“, прежде всего ссылается на Глеба Успенского. „Недаром Глеб Успенский считал частушку песней переходного времени“, говорит автор, стр. 44.

Таким образом Гл. Ив. Успенский, как исследователь, впервые ввел в литературу термин частушка, впервые поставил относительно частушки вопрос научно-исследовательского порядка и впервые дал классификацию этой стихотворной формы.

Обратимся теперь к материалу, собранному Успенским. В очерке „Новые народные стишки“ он помещен уже в классифицированном виде, т.-е. в обработанном, до некоторой степени исследованном.

В очерке Успенский говорит: „Три тетради этих „частушек“, находящихся в моих руках, всего около 200 №№ …“, стр. 673. Так как эти три тетради находились в его руках в момент написания заметки, то надо допустить, что частушки, напечатанные в этой заметке, взяты из этих 200 №№. Их—36. Кроме того в рукописи Успенского имеется 54 №№ частушек, в необработанном, неклассифицированном виде. Из них 16 №№—дубликаты напечатанных. Это дает право предположить, что напечатанные частушки взяты из рукописи, т.-е., что и имеющаяся рукопись держалась Глебом Ивановичем в руках в момент написания очерка и содержит в себе частушки, которые входили в те 200 №№, о которых он упоминает в очерке. Эта догадка подтверждается кроме того следующим маленьким обстоятельством. В очерке мы находим оговорку: „Все „частушки“, которые я привел в этой заметке, заимствованы мною почти исключительно из произведений женского ума: мужских „частушек“ я почти не приводил здесь“, стр. 677. Эти слова совпадают с тем, что мы встречаем в рукописи: среди частушек рукописи мы находим группу под которой надписано: „частушки мужицкие“. Эта группа имеет только один дубликат с напечатанными. Остальные падают на другую группу, которая, вне сомнения представляет группу женских частушек.

Таким образом, общие положения, справедливые для напечатанных частушек, должны быть таковыми и для частушек в рукописи. Поэтому время записи как для тех, так и для других мы можем установить одно. Не имея никакой возможности установить его точно, мы найдем его приблизительно. О времени записи Успенский говорит в очерке следующее: „...под таким впечатлением я и задумал пересмотреть разные тетрадки с новыми народными стишками, в разные времена доставленными мне“, стр. 670. Очевидно, нам надо постараться определить тот период, в который частушки были доставлены Успенскому. Одной из точных граней этого периода—его концом—может служить год напечатания очерка—1889 г. Другую грань—начало периода—всего естественнее искать в том моменте, когда Успенский переселяется в Новгородскую губ., т. к. ниже мы увидим, что частушки собраны именно в этой губернии. По свидетельству Рыбакина, его биографа, это будет 1879 г. „В 1879 г. Успенский из Самарской губ. переселился совсем на другой конец России,—в губернию Новгородскую“, изд. Маркса 1908 г., т. II, стр. LXXIV. И дальше мы читаем: „в 1881 г. на имя А. В. Успенской был куплен дом и при нем полторы десятины земли в дер. Сабринцах. ...Дом этот находился в Новгородском уезде, в $3\frac{1}{2}$ верстах от ст. Чудово“. Изд. Маркса 1908 г., т. II, стр. LXXV. Если мы обратимся затем к письмам Глеба Ивановича к А. В. Гольцеву (Архив Гольцева, изд. писателей, Москва, 1914 г.), то мы точно можем установить, что и после 1881 г. Глеб Иванович, правда, с перерывами, но все-таки живет в Новгородской губ. Письма его пишутся со ст. Чудово (83, 85, 85, 86, 87, 88 г. г.). Таким образом, временем записи частушек Успенского будем считать период от 1879 до 1889 г. г.

Всего в наших руках имеется 90 №№ частушек, записанных Успенским, считая и дубликаты, т. к. в некоторых случаях печатанные отличаются, правда немногим, от рукописных.

В какой же местности записаны эти частушки?

В рукописи частушек в начале мы находим: „Частушки“, в скобках — „Череповецкого уезда“. Череповец—был городом Новгородской губернии. Но это положение не покрывает всех частушек, представленных Успенским. А к какой же местности относятся частушки, не входящие в имеющуюся рукопись? Их 20 №№. В очерке „Новые народные стишки“ мы находим следующие замечания: „...относится он (т.-е. материал В. П.) частью к одной местности, а частью взят из таких условий народной жизни южных губерний, которые с нашими северными местами не имеют ровно ничего общего“, стр. 670. В другом месте мы читаем: „В Новгородской губ. повсюду можно встретить питомцев воспитательного дома, сирот, брошенных детей. „Частушки“, которые и они, питомцы, сочиняют о самих себе, заметно отличаются от общего любовного тона всех „частушек“, стр. 674. Замечание, которое мы находим в конце очерка еще более определяет Новгородскую губ., как место записи частушки. „В руках моих находится несколько песен рабочих в шахтах, полученных с юга и Екатеринославской губернии. Хотя и смысл их и условия местности вовсе не напоминают ни в чем наших Новгородских „частушек“ и т. д., стр. 679.

Итак, мы можем считать Новгородскую губернию, местом записи частушек, уточнив его для большинства частушек, Череповецким уездом.

С помощью библиографии по частушкам, данной Е. Н. Елеонской в „Сборнике великорусских частушек“, мы устанавливаем, что материал по частушкам был представлен до Успенского в двух сборниках: Романов, Е. Белорусский сборник, т. I, губерния Могилевская, вып. I-II, припевы, 1885 г. и Шейн, В. П. Материалы, для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. I, 1887 г. Первый сборник дает припевы, т.-е. частушки Могилевской губ., второй—сборник Шейна представляет припевы следующих губерний: Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской. Легко сделать по этим библиографическим данным вывод, что как будто бы материал Успенского—частушки Новгородской губернии—представлены впервые.

Елеонской самой, во введении к сборнику, делается ссылка на многие собрания песен, давшие стихотворные формы, настолько близкие к частушке, что они могут приниматься за таковые, хотя и даны нам, как плясовые, гуловые. Некоторые из них бытуют и теперь под названием частушек. Лично наш просмотр (по сборнику Соболевского, т. VII) убедил нас в том, что до Успенского были даны частушки Новгородской губ., встречающиеся среди других песен и не отмеченные термином частушки: Студитский 1874 г., Новгородские ведомости 1875 г. и Лаговский 1874 г. Последний представил и Череповецкий уезд. Но интересно отметить все-таки, что Успенский представил впервые специальное

собрание частушек Новгородской губ., в особенности если мы присоединим к печатным и рукописные.

О том, кем записаны частушки, напечатанные Успенским, никаких данных нет, за исключением небольшой оговорки Успенского общего характера, которую мы находим в очерке: ... „разные тетрадки с новыми народными стишками, в разные времена доставленными мне кой-кем из моих приятелей или по моей просьбе записанными самими крестьянами“, стр. 670. Данных о том, от кого записаны частушки, ни в заметке Успенского, ни в других материалах мы не находим.

Но Успенским даны некоторые сведения о тех условиях, в которых бытует частушка: песнь поется молодежью под гармонию; указывается определенная манера игры на гармонии: парень „перебирает“, делает „переборы“. Говорит Успенский и о манере петь: ... „конечно, если разыскать этот хор и подойти к нему поближе да послушать, как „визжат“ эти измучившиеся за зиму ... крестьянские девушки“ и т. д., стр. 670.

Подойдя к материалу по частушкам, представленному Глебом Ивановичем, с точки зрения научных фольклористических требований, мы увидели, что эти требования Успенским до некоторой степени выполнены, т.-е. он прямо или косвенно отвечает на вопросы: где записана песня, каковы условия бытования песни, кем записана.

Материал Г. И. Успенского и как исследователя частушек, и как собирателя дает право ему занять видное место в истории изучения частушки.

Приложение.

Частушки и песни, записанные Г. И. Успенским¹⁾.

Частушки (Черепов. уезда)

1.

Ставь ко, мамка, самовар,
Беленькие чашки.
Пройдет Ваня-сыровар
В голубой рубашке.

2.

Через блюдце слёзы льются,
Не могу чайком запить.
Пусть хоть бабы все смеются,
Мне Милашу²⁾ не забыть.

3.

Что ж ты, милый, не пришол,
Я тебе ведела.

Все я почки не спала,
Все в окно глядела.

4.

Сядь ко, милый посиди,
Ноженьки устали.
Друг на друга поглядим,
Оба стосковали.

5.

Уж ты, миленький, ты мой,
Ловкая ухватка,
За тебя не забранит
И родная матка.

6.
Батька рожь молотил,
Я подворовала,
Понемножку, по лукешку
Все милому на гармошку.

7.

Милый мой, хороший мой,
Милый нареченный,
Поиграй в игрушечку
Зоренькой вечерней.

8.

Своего я милого
Из артели выбрала,
Очень просто выбирать —
Он ловчее всех ребят.

9.

Мой любезный спать ушол.
Я одна осталася,
В тоску горе падася,
Хлеба пить лишилась,
Об милом кручинилась.

10.

Сделай, миленький, трепало,
Чтобы сердце не ципало,
Из ореховой доски,
Чтобы не было тоски.

11.

Батьке сделаю беду —
Самоходочкой уйду.
По за тыну, по за тыну,
По за дядину овину,
По за нашему двору,
Самоходочкой уйду.

12.

Мой милаша миленький,
Казакинчик синенький,
Милаша вороватенькой,
В рубашке подосатенькой.

13.

Милый мой, милый мой,
Милый (веры не одной),
Верой, милый, староверы,
Староверочки любой.

14.

Черно-синий¹⁾ поясок,
Голубые кисти,
На беседу не пришел,

Не послал и висти.
Износился поясок,
Кисточки остались,
Знаю с коней поры,
С миленьким расстались.

15.

Мой милаша в городе,
Там ему привольно.
Погуляет по базару —
Всячина довольно.

16.

Как на улице зима,
На печи-то лето.
Все ребятушки пришли,
Моего-то нету.

17.

Не ходи, милашка, на дом
Не садись со мною рядом,
Сядь к подружке, не ко мне,
Подружка скажет всеё мне.

18.

Как в нашем во Слюсине
Вырыли канавы,
Посидели с миленьким
С осени маленько.

19.

Что им, миленький ты мой,
Серенькие глазки.
За тебя дома бранят,
Держат на привязке.

20.

Мой милаша женится
И жизнь вся переменится,
Милаша обвенчается!
И вся любовь кончается.

21.

Мой то миленький работает в лесу.
Напеку ему рагулек, попеку²⁾.
Все бы, все бы во елушких стояла,
Все бы, все бы в ту сторону глядела.
Мой он миленький, мой чернененький,
Хоть и чернененький — печальнененький.

22.]

Вечер, вечер, зечериночка,
Во светце одна луциночка,
Бот последняя луциночка горит,
Мой остань³⁾ мне словечко говорит.

¹⁾ Не разобрано: в слове „черно-синий“ вторая часть похожа на алый.

²⁾ Исправлено на „попеку“.

³⁾ Подчеркнуто в рукописи.

1) В дополнение к статье В. В. Племянниковой помещаем тексты частушек и трех сатирических песен, записанных рукой Глеба Ивановича Успенского и присланных в коллекции нам исследователем творчества Успенского профессором Саратовского Университета В. В. Бушем, в семинарии которого и была проработана статья В. В. Племянниковой.
Юрий Соколов.

²⁾ Не разобрано, м. б., Малашу.

Говорить не ошибается,
Приходить не обещается.
Ты прийдти — приди, в Крещенье ввечеру,
Я одно тебе решение скажу:
Если вздумаю — за тебя замуж пойду,
А не вздумаю — на разик откажу.

23.

Я люблю больше года одного,
А как отдали в солдаты —
Мие не надо никого.

24.

Я любила годов пять,
Годов пять,
И забросила любовь,
Да вдруг опять.

25.

Провожала дружка милого
Я до города Кирилова,
До канавы Белозерские,
До большой ли что дороженьки,
Иструдила свои ноженки —
Я милаше поддалась, поддалась,
До Череповца в погоночку гналась.
Было лесом итти боязно,
Деревнями итти совестно,
А по задворкам — собаки злы,
По заполью — так ребята удали.
Уж я лесом шла боялася,
Шла деревней опасалася.

26.

Неужели надоела
Своей матери — отцу?
Неужели я достанусь
Разнесчастному вдовцу?

27.

Не охота шевелиться,
Со скамеек вставать,
Нелюбай берет жениться,
Не охота целовать.

28.

Провожала до реки,
Слез не оказала.
За баскаковым леском
Заревела голоском.

Частушки мужицкие

1.

Ай да, ай да,
Моя милая молодая.
Молода годочком,
Глупая умочком.
Молода не старая,
Семоварчик ставила.

2.
Наше дело молодое,
Нам охота погулять.
Деньги дело наживное
О них нечего скучать.
А любовь дело другое,
Ею надо дорожить.

3.

Милая милашка,
Полы подтираша.
По субботам мыла пол —
Приухлопала подол.

4.

Сиротинка я бедный
Пристал к девушке одной,
Словно к матере родной.
Нет матушки не родная,
Похлебка холодная.
Породнее бы была,
Погорячей налила.

5.

Батьке сделаю беду —
Самоходку приведу.

6.

Ах, милашечка моя,
Радость дорогая,
Поди замуж за меня,
Будешь молодая.

7.

Вся спинушка избита —
Сударушка нажита,
Погуляно довольно,
Головушке больно.

8.

У моей у миленькой
Сарафанчик беленький.
У моей у любенькой
Фартучек голубенький.
На моей печальниенькой
На ней платок черненый.

9.

Мама, мама золотая,
Папенька серебряной.
Отпустите погулять —
Сегодня день ведряной.

10.

Хорошо тому гулять,
У кого родная мать.
Матка встретит и проводит,
И в окошко поглядит.

11.

Я на бочке сижу,
Слезы катятся.
Денег нет ни гроша,
Выпить хочется.

12.

Деньги есть, так покутили,
Денег нет, так погодили.
Погуляли да мало —
Пиво не забрало.
Погулял бы я еще —
В кошельке стало тощо.

13.

В людях худо, в людях худо,
В людях воля не своя.
Попроситься — не отпустят,
Не спрося итти нельяз.
Дядюшка да тетушка,
Тяжкая работушка.
Сенокос и жнивушка —
Заболела спинушка ¹⁾.

14.

Что игрушка не играешь,
Или тону в тебе нет?
Что милашка не встречаешь,
Или дома тебя нет?

15.

Ай, затопали сапожки,
Забрякали сережки,
Сережки, сережки
Серебряные.

16.

Ты милашечка моя,
Кака ты бедовая,
С головы до ног
Сладкая, медовая.

17.

У моей у мишки
Синие поджилки.

Терентий, обиженный бабами на дереве, свадьбе.

Наш Терентий прибодрился
Очень пьяниеный напился.
Пил он пиво и сивуху
Не взлюбил он бабья духу.

18.
Понграй, игрушка,
Времечка немножко.
Только праздник провожу
И на полку положу.

19.

Неужели лист повиляет,
Травонька шоковая?
Неужели не вспомянешь,
Милка бестолковая?

20.

Не прибрать из всех людей
Против душечки моей.
Глазом глянет —
Травка виляет.

Говорит —
Сердце болит.

21.

Матушка с ума сойдет —
Сударушка со мной придет.

22.

Ой девушка (Поморушка)
От вина болит головушка,

23.

Ходит милка, точно рубликом дарит.
Весь растаю, как она заговорит.
Там беседушка маленькая ²⁾.
Да моя мила удаленькая.

24.

Где ты, милая, хорошая,
Лазоревый цветок?
За тебя моя пригожая
Ударили разок.

25.

Цвет лазоревый люблю,
В свете нет его милей.
Я хорошенъкой срублю
Нову горенку теплей,
Сад зеленый рассажу,
Весь березками уставлю,
С милой рядом посижу,
Немилых всех оставлю.

¹⁾ Последнее четверостишие в рукописи написано на другой странице, но не обозначено особым номером.

²⁾ Не разобрано: м. б., и не „маленькая“.

Пива пролил яцдову
И прогнал он вон вдову.
Бабы живо сдогадались,
Мигом дружно собирались,
Чтоб Терентью отомстить,
Тумаками отплатить.
И взялись бабы вдруг
Счотом сразу в 20 рук,

За волосья зацепили,
Вон со свадьбы утащили.
Наш Терентий возмодился
И бежать от баб пустился,
Было некому помочь
И бежал поспешно прочь.

И Терентию плоховато
По головушке хохлато,
Бабам было интересно
Что пошинь гаи чудесно.
(иначе прочесть не могли)

Беспокойный гость.

В гости ехал ко мне сват
Свади, спереди горбат,
Ростом маленький,
Сам удаленький.
Держит голову высоко
Вверх поводит свое око,
Скачет, пляшет, как медведь,
То крестьянская комедь.
И без рифмы и без толку
Лупит песни без умолку,
То гостям было в утеху,—
Не могли сидеть без смеху,
Пел топтал и суетился,
Дам ловить он торопился,
Дамы словно отомстили
И щипкам его дарили,
Он на это не сердился.

Приезж(жий) гость¹⁾
Течет речка по лужечку,
Через речку мостик.
По песочку, по мосточку
Едет ко мне гостик.

Сердцу милый, чернобровый,
Мой цветочек алый,
Черноглазый, парень бравый,
Молодец удалый.
Зорька весело горит,

Выйду на крылечко,
Близко милый мой катит,
Радует сердечко.

Будет с милым мне отрада
По саду ходити,
Я дружочки очень рада,
Буду говорити;
Как страдала без него
И люблю сердечно,
Я просить буду его,
Чтоб любил он вечно.

Об себе.

I

Во Пряязневе я родился.
Во деревне воспитался.
Хоть с усерд'ем стремился,
Очень мало научился.
Молод в девушку влюбился,
Подошли года,—женился
И хозяйством занялся,
За работу принялся.

Скоро ненавись явилась,
На меня жена взгордилась,
На чужого обольстилась,
В гриба черного влюбилась.

Жена спряталась, ушла,
В Череповец жить пошла,
Восемь лет там проживала.
Гриба черного щипала.

Подщипала, подкосила,
Подгладила, подсушила,
Со родной своей простились,
Верст сот за шесть удалилась.

Так, живя с женой в разлуке
Отдаваясь часто скуче,
Все знакомства я оставил,
Кротко жить себя заставил.

Часто чтением занимался,
От народа удалился.
Зиму странником ходил,
Летом батюшке служил.

II

И ходил я разгуляться,
У монахов потолкаться.
— Как живут, спросить, одни
В кельях, в пустынях все дни?
Мне монахи отвечали,
На слова меня ласкали,
И давали мне советы:
Бросить к бабам все приветы.
Трудно, трудно то исполнить,
Но пришлось три года помнить.
В год четвертый изменился,
Водки выпил и забылся.
Все забыл я те советы.
Принял женины приветы.
В очи черные влюбился,
К девке красной прицепился.
Мне от матери укор,
От людей был разговор.
— Не обдумавшись связался,
И едва потом расстался.
В пятый вадумал работать,
Зиму дома проживать.
Для домашние работы
Принял новые заботы.

III

Корм возил, скота кормил,
Печь топил, дрова рубил.
Был я сам и маслоделом,
День и вечер занят делом.
Так три года занимался,
Для родных своих старался.
Дом отда стал богатеть,
Мать и сестры веселеть.
Было времечко прекрасно
Со родителем согласно,
Но из зависти сосед,
На убытки и во вред.
Познакомился с отцом
И поил его вином.
Стал советовать ему,
Жить без сына одному.
Бросить всякие заботы
И молочные работы,
Во дворе коров убить,
Коней более любить,
Сыну воли не давать,
Сыр и масло работать.
И в один печальный день
Потомил отец, как тень.
На меня он рассердился,

Очень сильно разозлился
И пороки собирал,
За табак и чай ругал.
Молот в голову пусты,
Моей кровью окатил,
Сам стоял вне себя,
А упрашивал меня:
Чтобы я не пасердился,
Не сердился, помирался,
Эла не помнить положился.
Но тогда страдал с прискорбьем,
Через что был плох здоровьем.
Через месяц я с мешком,
В путь отправился пешком,
Прямо в Северный во край,
Чтоб найти для жизни рай.
В два дня сотню верст прошел,
В добный час купцу припол.
Скоро делом я занялся,
У купца я жить остался.
Я два года там жил
И все помню, не забыл.
Но родитель мне писал
И домой меня все звал.
Я послушался его
В том родного своего.
Дома делом я занялся,
За работу пригляделся.
В будни в поле работаю,
Хлеб насущный обретаю,
В празднике дело оставляю
И с родней своей гуляю.
Еще ездил разгуляться
Со друзьями повидаться.
Но боюсь я долго жить,
Чтоб себе не повредить,
Оттого что все работы,
Много требуют заботы,
Да и редко хоть гостить,
Но и то себе вредить.
А в частные перегорстки
Не сработали все полоски.
На гулянье без заботы,
Там забудешь все работы
И таких гостей найдешь,
Что карман себе прожжешь.
Долг — хомут себе наденешь
И нуждой себя оденешь,
А постройка вся падет,
Гость хороший не зайдет.
Жил тринадцать лет во скуче,
Был с женой своей в разлуке,
Хоть досадно и обидно,
Делать нечего, как видно.

1) М./б., не так.